

Юрий ВАРЫГИН

Казачинское

Юрий Яковлевич Варыгин родился в 1937 году в селе Рождественском Казачинского района. Окончил Московский государственный институт культуры. Работал во многих театрах страны. Возглавлял Казачинский народный театр (1969—1993). В разные годы стихи и рассказы публиковались в газетах и коллективных сборниках. Автор книг «Поэзия любви», «Свет мгновения». Член Союза журналистов России. Лауреат всесоюзных и всероссийских фестивалей народного творчества. Заслуженный работник культуры России. Кавалер ордена «Знак Почёта». Ветеран труда. Почётный гражданин Казачинского района.

С НИМИ БЫЛО НЕ СКУЧНО

О ком только не вспомнишь, когда не спится длинными зимними ночами. Вереницей проходят перед глазами дорогие сердцу люди, с которыми общался не один год. И дети, и взрослые, все они на склоне моих прожитых лет уютно покоятся в моём сердце — даже те, кого Бог незаслуженно обидел умом. А ведь они были частью нашей нелёгкой жизни и даже порой украшали ее своей непосредственностью, не зная о том, что они дурачки. Слово это в данном случае имеет прямое значение и не несет никакого обидного смысла: это просто констатация факта. «Дурачок» — это не совсем умалишённый, которому место в психлечебнице, это просто ребёнок, так и не ставший взрослым. Да, он слаб разумом, но он адекватен в быту и никому не приносит вреда. Мы их жалели, а они этого не понимали и жили и поступали так, как им подсказывал их скромный разум, и грустили, и веселились по-своему. Вот о них-то, о так называемых деревенских дурачках, я и хочу сегодня рассказать.

Почти в каждой деревне были свои дурачки и дурочки. Были такие и в моём дорогом мне селе Рождественском.

Ну хотя бы вспомнить Ермишу-дурачка. В тридцать лет он ходил без штанов и никак не хотел надевать их. Одежду ему заменяла длинная женская рубашка, в которой он и дрова таскал, и за ягодами в лес ходил, а зимой вовсе не выходил на улицу (окромя как по нужде). Когда же мать заставляла его всё-таки натаскать в избу поленьев для печи, он делал это охотно, но заносил в дом лишь два-три полена, которые бережно складывал у железной печки. «Натаскай

Село Рождественское

побольше, сынок, — говорила ему мать, — чтоб теплее было». Ермиша вскидывался, бежал на улицу и приносил снова два полена. «Ну, теперь хватит?» — спрашивал он у матери. Так повторялось несколько раз.

В лес за земляникой Ермиша ходил с рюмкой. Наберёт полную, вернётся домой, сядет за стол, съест с аппетитом ягоды и — опять в лес. И так в течение дня несколько раз.

«Ты бы, Ермиша, взял корзинку, пошёл да и набрал бы её с верхом, всей семье земляники хватило бы», — выговаривала ему мать. Но у Ермиши на этот счёт было своё мнение. «Мамка, — отвечал он, — лишь бы мне хватило».

А поздними летними вечерами, когда на небе появлялась луна, Ермиша часто брал в руки метлу и выходил подметать за оградкой. В это время из клуба обычно возвращалась молодёжь, и Ермиша старался подметать всегда так рьяно, чтобы пыль летела в парней и девушек. Молодежь начинала громко чихать. «Ермиша, перестань, будь человеком!» — кричали ему, а он в ответ орудовал метлой ещё активней, приговаривая: «Вот вам, вот вам!»

Очень он любил пухленьких девушек. Подойдёт, бывало, к какой-нибудь пампушке, хлопнет своей ручищей по заднице и во всё горло заголосит: «Ой, какая мягкая!» Или подойдёт к какой-нибудь и скажет: «Девка, а девка, дай я тебя поцелую!» Люди на него не обижались: что возьмёшь с дурачка?..

С ним было как-то даже веселее жить, и когда он однажды ранней весной умер, многие даже прослезились.

И как-то тихо и грустно стало без доброго Ермиши. Никому он не делал зла, а своими безобидными шалостями вносил разнообразие в наши серые будни.

Было это где-то в сороковых годах прошлого столетия.

Жили в те далёкие времена в нашем селе и другие дурочки и дурочки. Например, Лиза-дура. Не знаю, насколько темней был её разум, но эта оригинальная женщина потешала честной народ с малых лет до самой старости, пока её в шестидесятых не увезли в психдиспансер. Помню, мы, подростки, лишённые всяческого сострадания, бывало, бежали за ней толпой и пели: «Лиза-дура в лес подула, кору ела, нам велела, мы не хотим, все хохочем».

Кто сочинил этот стишок, не помню. Помню только, что Лизу он приводил в бешенство. И тогда она с палкой гналась за нами, а мы в испуге прятались по домам.

Рассказывали, что уже в самом раннем детстве у неё были признаки дикого помешательства. Когда к ним в дом приходили гости, она подползала к кому-нибудь из них и кусала за ноги. Отец нещадно бил её за это, сажал её на цепь в кладовке, когда приходили люди. Так и росла, бедняжка. А когда у неё случайно появлялись дети (находились и на неё охотники), Фёкла Тимофеевна, её мать, втыкала в темечко новорождённого иголочку, и всё до поры до времени оставалось тайной, пока об этом не узнала вся деревня.

Особенно дичала она весной и осенью. Тогда её сильно манило в лес. Придёт она к Марье Васильевне Белоноговой и слёзно просит: «Тётка Марья, дай своего кобеля ненадолго, я с ним по лесу побегаяю». — «Возьми, Лиза, да в лесу не оставь его», — говорила тётка Марья. И Лиза с этим кобелём вприпрыжку устремлялась в лес. Что она там с ним делала, одному Богу известно. Слухи ходили разные.

Однажды она заманила в лес маленького Костю Драбова. Угостила его саранками (в лесу их было много), поиграла с ним, а потом нашла подходящую ямку, положила в неё Костю, завалила хворостом и убежала. Целый день всей деревней искали Костю, родители места себе не находили, а потом кто-то услышал в лесу стоны, доносившиеся из-под кучи хвороста. Быстро разбросали его и увидели задыхающегося Костю. Всем стало ясно, что это проделки Лизы.

Били её потом за это сильно, да что поделаешь? Всю оставшуюся жизнь она потом боялась попадаться Косте на глаза, боялась мести. А Костя вырос, возмужал, стал высоким статным красавцем с богатой шевелюрой. Выбился в начальники, и когда он по службе приезжал на паре рысаков, запряжённых в лёгкую тележку, Лиза-дура пряталась: ей казалось, что он её задавит. А он давно и думать перестал о том случае. Зато мы, сорванцы, нарочно пугали Лизу: «Костя Драбов с ружьём приехал, тебя ищет, прячься скорей!» И она с воем убегала в лес и долго из него не возвращалась.

Но порою на неё находило просветление, и тогда была она и весёлой, и разговорчивой. А как она пела — заслушаешься! Слух у неё был отменный. И песен она знала много. Часто мы с нею вместе ходили по ягоды и вдвоём пели без конца. «Юрка, — говорила она, — давай ещё вот эту». И начинала: «Течёт речка по песку с Дальнего Востока, а за девушкой матрос гонится далёко». Я подхватывал. И песня наша неслась по лесу. Лиза в такие благодатные моменты могла помочь тебе набрать ягод, но если настроение её менялось, она их отбирала совсем. Не раз она забирала мою корзину и съедала все ягоды. Я рассказал об этом своему старшему брату Борису, а он подкараулил её и отколошматил. «Это тебе за Юрку, — сказал он. — Ещё раз тронешь — пришибу!» И она со мной была потом шёлковой, но других мальчишек всё-таки обижала.

В конце августа в Рождественском собирался чуть ли не весь Казачинский район. Все приезжали брать малину. А в это же время начиналась обычно и уборка хлебов в колхозах. Да и сенокос ещё не заканчивался к этому времени. Каждый человек в хозяйствах, понятно, был на учёте. А тут — ягоды. И люди из района, как и местные колхозницы, собирали ягоду украдкой, чтоб начальство не узнало. Не дай Бог председатель колхоза Кленин увидит, проезжая в своей кошёвке по колхозным полям, — беды не миновать. И наша Лиза — дура душой, а смекнула, что Клениным можно и попугать. Как только увидит, что свои и приезжие бабёнки в лес отправились, сразу начинала кричать: «Кленин едет!» Бабы врассыпную, кто в кусты, кто ещё куда. А Раиса Гладышева, моя соседка, так однажды перепугалась, что с ней от страха малая неприятность случилась. Упала на траву и приговаривает: «Не буду больше, не буду, товарищ Кленин!» А Кленин обо

всём этом и знать ничего не знал. Лиза же в суматохе отбирала у ягольников корзинки с малиной и убежала в деревню.

Слава о ней шла по всему району. Её боялись. Хотя в часы просветления разума она могла здраво рассуждать о жизни. Рассказывают, что когда её увозили из Рождественского при очередном приступе буйства, она сильно кричала, а люди плакали. «Каждый человек дорог, — говорила мне сестра, — а её особенно жалко, ведь мы ровесницы». Сестре в то время было уже под пятьдесят, могли бы они с Лизой и подружками быть.

Увезли Лизу, но свято место пусто не бывает: появилась в Рождественском новая звезда — Матрёна-дура. Было ей лет сорок. Высокая, в холщовой юбке, жила она в деревне Челноки, но к нам в село приходила часто. Люди говорили, что была она нормальной женщиной, но однажды на покосе увидела, как один мужик другого вилами заколол, и от шока умом тронулась, стала заговариваться, на вилы смотреть не могла. А звали её так потому, что она сама себя так окрестила. В рваной фуфайке, в каких-то опорках, со стриженной головой, с огромной палкой в руках, чтобы отбиваться от собак, выглядела она причудливо. Большие синие глаза, малость отцветшие красивые губы говорили о том, что была она когда-то красавицей. За ней бегали парни, но тот, кого она страстно любила, изменил ей. Годами ходила она из деревни в деревню, и зимой, и летом в одном одеянии. Грудь нараспашку, ночевала то в чьей-нибудь бане, то у кого-то в доме. Была тихой, ничего не брала чужого и часто плакала. За плечами у неё всегда болталась затасканная котомка, в которой хранились кусочки хлеба, поданные ей сердобольными людьми. Иногда она усаживалась на пыльную дорогу, собирала в горсть маленькие камушки и с азартом начинала считать: «Раз, два, три...» Часто сбивалась и начинала снова. Как-то мы, пацаны, решили отобрать у неё палку. Что с ней было! «Дураки до неба!» — кричала она на нас. И сегодня я понимаю, что она была права: дураками были мы.

«Матрёна с девятой Бобровки», как ещё дразнили её, однажды в лютую зиму замёрзла. Знали её все, и жалели, и привечали, и милостыню подавали. Она ушла, и серее стала наша жизнь...

Была своя дурочка и в Казачинском, хотя назвать её настоящей дурой, то есть глупой, вряд ли можно: Нюра Басырева была иногда разумнее самых мудрых. С ней можно было поговорить на любые темы. Но о ней — как-нибудь в другой раз...